

Л.П. Киященко

Простота сложности и сложность простоты (мерность различения)

Мир не поддается описанию одной истиной. Мысль о том, что наука может помочь навести мосты и примирить противоположности, не отрицая их, доставляет мне глубокое удовлетворение.

И.Р. Пригожин

Ритм антитезы. В антитетике названия статьи явным образом содержится провокация, отклик на смещение интереса современной философской и научной мысли к проблеме сложности¹. Провокация мысли, импульс к переосмыслению и того, что мыслится, и того, как мыслимое осмысляется. Два суждения с одной стороны оспаривают друг друга, а с другой – дополняют, формируют ритм повтора антитезы, напоминающий ритм сердца – систола спорит и дополняет диастолу. Уточняющее пунктирное движение определения, одного через другое, создает оптимальную полноту, возможность соизмерения антитетических, парадоксальных утверждений в целом, совершая, но не завершая его. Подчеркнем: мерность различения, как процессуальная составляющая импульса к переосмыслению, пульсирует между уточняющимися, через свое иное, представлениями о сложности через предикат простоты, а простоты – через предикат сложности. Возникает заминка плавного течения мысли.

В чем смысл простоты сложности? В сложности самой простоты. Ведь если, с одной стороны, не подвергать сомнению самоочевидное, существующее давно и надежно, независимо от воли

¹ См.: *Аршинов В.И.* Синергетика: от нелинейности к сложности // *Неизбежность нелинейного мира. К 100-летию со дня рождения В.С.Готта.* М., 2012. С. 60–72; *Князева Е.Н.* Удивительный мир нелинейности и сложности // Там же. С. 73–98; *Синергетическая парадигма: Синергетика инновационной сложности.* М., 2011; *Castellani B., Yafferty F.* *Sociology and Comlexity. A New field inquiry.* В., 2009.

случая и прихоти осмысляющего действия, то о сложности простоты говорить не приходится, поскольку оспаривающее суждение не предмет задумчивости. Оно действует в автоматическом рефлекторном режиме привычки. С другой стороны, если привычная ситуация начинает сопротивляться, вызывая зависимость и интерес к себе, то вступает в силу рефлексия заботы – все ли благополучно в «датском королевстве». И тогда то, что было простым, через рывок гештальт-переключения становится сложным – неуловимым и непредставимым в старой оптике видимости и, чтобы вновь обрести желанную для мысли простоту, надо совершить переосмысления привычного различия простого и сложного. Но как?

Начнем с очевидного, что у всякого сложного есть свое простое, что, собственно, и лишает представления о простом и сложном абсолютного характера. Ведь простота «частей» всегда предполагается, когда мы пытаемся описать сложность, сложенность целого. Но это предположенное моментально рассыпается, как только мы обращаем внимание на часть, которая сама в том же акте перемены внимания разбирается на части (простота сложности). При этом ранее разобранное целое возвратным движением упрощается (сложность простоты). Мы говорим, к примеру, что машина как целое сложена из мотора, подвески, кузова и других частей. Каждая часть в таком представлении проста. Но как только мы обратим внимание на одну из частей, к примеру мотор, то этим обращением как бы разбираем его пред-полагавшуюся в предшествующем движении мысли простоту на части (простота сложности). Мы говорим: мотор машины состоит из таких-то частей. Параллельно этой мысленной разборке, как бы на ее «заднем плане» происходит мысленная сборка машины в нечто простое, задающее план целого для такой вещи как мотор. Ведь мы говорим не просто о моторе, но о моторе машины (сложность простоты). Этот, скажем, простой пример из мира механики, представленный как метафора взаимопревращений простого и сложного, обрывает значения опосредующей их мысли. Кропотливо и заботливо отслеживая «шажки» превращения и становления мысли о предмете рассуждения через и в результате проблематизации соотношения простого и сложного.

Ритм антитезы: простота сложного – сложность простоты провоцирует эффекты становления и в предмете мысли, который становится иначе представленным в результате смещения вни-

мания, и в самой мысли, в которой действия разборки и сборки оказываются дополнительными друг для друга актами. Причем рассматриваемая антитетика простого и сложного является лишь одним из примеров мыслительной деятельности, примиряющей характерные для нее нестыковки, противоречия, конфликты мнений, амбивалентности ходов рассуждения в философской рефлексии над ходами мысли. Разборка простого на сложное, осуществляющаяся на одной стороне мышления как ленты Мёбиуса, сопровождается противоположным действием сборки сложного в простое – на другой. Вносит подвижность и неопределенность и в мысль, и в предмет. Хайдеггер не случайно назвал удел мышления «разборчивым собиранием», которое, судя по всему, происходит через и по мере возникающих со-отношений между условно выделенными разнонаправленными движениями мысли разбиранием (аналитикой) и собиранием (синтезом). Для каждого исторического этапа развития науки характерны свои особые практики разборчивого собирания. В классической науке антитетика простого и сложного наиболее интересно осмыслена в философии И. Канта.

Антиномия «простое – сложное» в философии И.Канта.

Антитетическая динамика в интервале «простое – сложное» дана во второй антиномии Канта. Как и остальные антиномии, она описывает драматическую коллизию «космологического спора разума с самими собой». Ее структура представлена следующим образом.

Тезис. «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого»².

В доказательство приводится такое рассуждение: «В самом деле, допустим, что сложные субстанции не состоят из простых частей; в таком случае если бы мы устранили мысленно все сложение, то не осталось бы ни сложных, ни простых частей (так как простых частей нет), иными словами, не осталось бы ничего, следовательно, не было бы дано никакой субстанции»³. Мы не можем предположить отсутствие простых «субстанций» – устойчивых предметов восприятия и субъектов суждения, т. к. в этом случае ни восприятие, ни суждение не могли бы вовсе состояться.

² Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 410.

³ Там же. С. 410.

Антитезис. «Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого»⁴. Доказательство и в этом случае движется от противоположного. «Допустим, что сложная вещь (как субстанция) состоит из простых частей. Так как всякое внешнее отношение, стало быть также и всякое сложение субстанций, возможно только в пространстве, то пространство, занимаемое сложной вещью, должно состоять из стольких же частей, из скольких состоит эта вещь. Но пространство состоит не из простых частей, а из пространств. Следовательно, всякая часть сложной вещи должна занимать пространство. Но безусловно первоначальные части всего сложного просты. Следовательно, простое занимает какое-то пространство. А так как все реальное, занимающее какое-то пространство, включает в себе многообразное, [составные части] которого находятся вне друг друга, стало быть, есть нечто сложное, и притом как реальное сложное состоит не из акциденций (ведь акциденции не могут находиться вне друг друга без субстанции), стало быть, из субстанций, то простое должно было бы быть субстанциально сложным, что противоречиво»⁵. Поскольку реальное нечто существует только в пространстве, а пространство делимо, то и это нечто с необходимостью нужно мыслить не простым, а сложным (делимым).

Разрешение антиномии Кант дает достаточно оригинальным образом. Обычно, если мы сталкиваемся с логическим противоречием «либо А истинно, либо не-А», то решение предполагает выбор одного из суждений и доказательство его истинности. Кант утверждает, что в антиномии неистинны оба суждения, т. к. «в обоих случаях получается нечто совершенно бессмысленное (nonsens)»⁶. Поэтому у философа «есть серьезное основание подвергнуть критическому исследованию самый вопрос, чтобы посмотреть, не покоится ли он сам на неосновательном предположении и не играет ли он идеей, ложность которой обнаруживается не столько при ее обособленном представлении, сколько в ее применении и последствиях этого применения»⁷.

⁴ Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 411.

⁵ Там же. С. 413.

⁶ Там же. С. 447.

⁷ Там же.

С точки зрения критической философии Кант утверждает, что выходом из затруднительного положения может быть лишь соотнесение противоречащих суждений с возможным опытом. «Только возможный опыт может сообщить нашим понятиям реальность; без этого всякое понятие есть лишь идея, лишенная истины и отношения к предмету. Поэтому возможное эмпирическое понятие было *масштабом*, по которому необходимо судить об идее, есть ли она только идея и вымысел, или же она находит в мире соответствующий предмет»⁸. Измеряя мерой (масштабом) возможного опыта, классическая наука (в лице Канта) выстраивала рациональные отношения с познаваемым миром, наделяя те или иные представления статусом реальности.

С этой точки зрения вопрос о соотношении простого и сложного решается всецело в рамках представления о конкретном возможном опыте. В какой степени исследуемый объект выступает как сложный, а какие его характеристики рассматриваются как простые в пределах именно этого опыта – на этот вопрос нельзя дать априорного решения. Характерное для разума желание добиться абсолютной целостности реально не осуществимо. Кант подчеркивает: «Например, явления, происходящие в телах, вы несколько не объясните лучше или хотя бы по-иному, допустите ли вы, что они состоят из простых или всегда сплошь из сложных частей; ведь вы никогда не встречаетесь ни с простыми явлениями, ни с бесконечным сложением. Явления требуют объяснения лишь постольку, поскольку условия их объяснения даны в восприятии, но все то, что может быть дано в них, собранное в *абсолютном целом*, вовсе не составляет восприятия»⁹. Простота и сложность, т. к. они даны в явлении, в реальном опыте как раз предполагают «меры» их использования для данного случая – не в целом, а в этом конкретном случае.

При этом план мышления мира в целом не исчезает, а сохраняется в виде проблемы. «Так как посредством космологического основоположения о целокупности максимум ряда условий в чувственно воспринимаемом мире как вещи в себе не *дается*, а только может быть *задан* в регрессе этого ряда, то упомянутое основоположение чистого разума в своем уточненном таким об-

⁸ Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 450.

⁹ Там же. С. 446.

разом значении сохраняет свою силу, правда не как *аксиома*, по которой целокупность в объекте следует мыслить действительной, а как *проблема* для рассудка, следовательно, для субъекта, с тем чтобы устанавливать и продолжать регресс в ряду условий для данного обусловленного сообразно с полнотой идеи»¹⁰. Для Канта и классического разума проблема была характеристикой неполноты знаний субъекта. Целое не дано, а задано или точнее – загадано разумом субъекту как цель его познавательного движения.

Для современной не- и постнеклассической науки – проблема из характеристики недостаточности познающего субъекта становится собственной характеристикой объекта исследования. Поэтому роль разума антитетически удерживающего контекст целого, данного как интервал «простое – сложное», уже не просто «регулятивна», но и конститутивна. В результате столь фундаментального преобразования мыслительной ситуации меняется, в некотором смысле усложняется, смысл самой сложности так, что в современной философии науки появляется новый термин «сложность» (*complexity*) (Э.Кастельс, В.И.Аршинов) Естественно, в этой ситуации не избежать и рассуждений о новой сложности простоты.

Мне представляется, что антитетика «простое – сложное», через рассмотрение простоты сложности и сложности простоты, получает оригинальное истолкование в интервальном подходе, способном выразить как антитетику классического подхода, так и специфику методологии трансдисциплинарности, ориентированной на разрешение (необходимость рассмотрения мерности различения) имманентной парадоксальности в современном научном познании. Начнем с особенностей последнего.

Время парадоксов и парадоксы времени. Как справедливо утверждает А.В.Ахутин, «существуют эпохи, лучше сказать, эпохальные рубежи, особо чувствительные к парадоксам, когда истина бытия и бытие истины расходятся. Эпохальный парадокс, говоря упрощенно, есть противоречие, которым сказывается радикальное несовпадение „самой вещи” с тем способом, каким вещи научились переживать, понимать, знать и излагать»¹¹. Именно последствия «возникновения Большой науки», эхом растянувшиеся

¹⁰ Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 462.

¹¹ Ахутин А.В. Парадоксы культурологии // В перспективе культурологии. М., 2005. С. 19.

на десятилетия, дают нам возможность описать явление, которое все более приобретает очертания отмеченной выше парадоксальности. Парадоксальность, о которой идет речь, наиболее яркое свое выражение, по нашему мнению, получила в феномене трансдисциплинарности.

Экзистенциальная энергия апорий жизненного опыта реализуется в многообразии научно, философски, богословски, дисциплинарно *обосновывающихся* решений. Однако сложность экзистенциальных проблем (например, биоэтических, экологических или энергетических) такова, что ни одно из дисциплинарных обоснований при всей *необходимости* не может претендовать на *достаточность*. Здесь истина сталкивается с истиной, благо с благом, правда с правдой, вызывая *апорию разума*, генерирующую парадоксальный импульс поиска основания и обоснованности, но уже в сфере трансдисциплинарных коммуникаций жизненного мира – в сфере общезначимого. *Общезначимость* выражает социальную конвенцию и опирается на проблемный характер совместного действия коллектива. *Всеобщему* же отводится роль того идеального содержания, которое адресуется каждому человеку и в этом отношении оно универсально¹².

Можно сказать, что парадоксальность сохраняет простоту в современном мире от насилия упрощения, которое исходит из притязаний на единственно истинную истину. В этой связи полезно вспомнить точное высказывание К.Ясперса, касающееся фундаментальных угроз современной культуры: «Простота – это образ истинного. Упрощение – это насилие, заступающее место утерянной простоты. Простота допускает бесконечное число толкований, это мир в малом, наполненный и движущийся. Упрощение конечно по своей сущности, это нить, которая движет нас как марионеток... Наше время – время упрощений»¹³. Опыт трансдисциплинарности наследует традиционную установку на поиск обосновывающей простоты. Его специфика заключена в том, что сложность простоты, таящая в себе необозримые потенции смыслового выражения, улавливается в здесь-теперь проблемоцентричных экзистенциальных ситуациях антитетикой за счет двойного импульса парадоксальности трансдисциплинарных феноменов.

¹² Теоретическая культурология. М., 2005. С. 9.

¹³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 148.

Трансдисциплинарный опыт обоснования. Парадоксальность современной философии науки способствует тому, что антитетичность становится доминирующим стилем мышления, а противоречия – важнейшим объектом исследования. «Логически закономерно вырос интерес и к антитетической основе концептуальных систем»¹⁴. При этом «нарочитая двусмысленность подобных кентаврических образований подчеркивает то обстоятельство, что выраженный в них смысл схватывается лишь в соотносительности употребляемых терминов, мерцающая и устанавливаясь где-то в промежутке различия»¹⁵. Указанные кентаврические образования можно оценивать как «взрывной заряд» (Ю.Хабермас), значительно усложняющий традиционные отношения классической субъект-объектной оппозиции. Не отменяя, но всякий раз заново переосмысливая динамику отношений, опираясь на потенциал субъект-объектной оппозиции, целостность постнеклассической философии приобретает открытый процессуальный (становящийся) характер. Процессуальность трактуется в данном случае как перманентное человеческое стремление к идеальной и завершенной целостности, а открытость – как включение в круг рассматриваемого того, что находится на периферии, «вокруг». Одним из следствий, а может быть и причиной последнего, является современная востребованность фундаментальных исследований в практическом использовании (известный феномен коммерциализации науки) и нуждаемость практики в теоретико-философском обеспечении своего функционирования, включающем нравственное и ценностное измерения. Если классическая антитетика простого и сложного так или иначе апеллировала к проблемам *движения* в концептуально замкнутых дисциплинарных мирах, то процессуальность трансдисциплинарного опыта строится на учете *эффектов становления* в когнитивно-коммуникативной среде жизненного мира, антитетическими интервалами которого выступают концепты сложности и *сложностной простоты*.

Итак, целостность трансдисциплинарной философии возникает в интервальной ситуации (*между*) антитетических утверждений, организующих опыт трансдисциплинарности. Опыт

¹⁴ Гаврюшин Н.К. Антитетика в концептуальных системах (http://www.humanities.edu.ru/db/msg/25906#_ftnref2).

¹⁵ Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006. С. 139.

трансдисциплинарности – это пространство живого опыта, точки схождения теории (дисциплинарного знания) и практики (экзистенциальных проблем жизненного мира). Пространство живого (трансдисциплинарного) опыта возникает «между» множественностью его гетерогенных (парадоксальных) составляющих, который заново, спонтанно (*sponste (лат.)* – ‘из самого себя’) способен переоткрывать ранее известное. В этом смысле трансдисциплинарная философия является ярким подтверждением высказывания Мерло-Понти: «Философия существует всюду, даже в „фактах” – но у нее нет такой среды, где она не была бы заражена жизнью»¹⁶.

Основания философии трансдисциплинарности амбивалентны. Они подлежат дальнейшему развитию и в то же время содержат вопрос, доступный эмпирической разработке, но имеющий универсальный смысл¹⁷. Они вводят в обоснование противоречивые утверждения – целостность трансдисциплинарного философствования всякий раз ставится под вопрос. Значит ли, что философия трансдисциплинарности – это не философия? Скорее всего, нет. «Примеры такой вовлеченности философии, – замечает Хабермас, – я наблюдаю всюду, где философы вместе со всеми участвуют в разработке теории рациональности, не выдвигая фундаменталистских или же всеобъемлющих абсолютистских притязаний. Скорее, они работают в нетвердой надежде, что только благодаря удачному сочетанию различных теоретических фрагментов удастся достичь того, что философия некогда рассчитывала добиться в одиночку»¹⁸. В этом высказывании Хабермаса и с учетом тех идей, которые изложены в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие», звучит рефреном следующая мысль автора. Философское мышление, которое не отказалось от решения проблемы рациональности, в рассматриваемых обстоятельствах обнаружило себя лицом к лицу с «двойкой потребностью в опосредовании». Не только и не просто наблюдение философа, но и участие его в роли «интерпретатора-посредника», переводчика, опосредующего общение между миром повседневности и сферами науки, морали и искусства, заключенные в оболочку экспертных культур. Хабер-

¹⁶ Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996. С. 102.

¹⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000. С. 27.

¹⁸ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 28.

мас подчеркивает и в этом спорит с Рорти, что «всякое согласие, достигаемое и воспроизводимое в коммуникации, должно опираться на некий потенциал вполне *уязвимых* оснований, но – именно оснований. Основания сотканы из особой материи; они *понуждают* нас высказаться за или против»¹⁹ (выделено мной. – Л.К.). Выделенные основания *уязвимы* постольку, поскольку то, «что нам считать оправданным, зависит, *в перспективе первого лица*, от *возможности* обоснования, а не от действия жизненных привычек» последние нас только усредняют²⁰. Они *понуждают* нас, действуя наподобие регулятивного принципа, поскольку притязания на значимость наших убеждений выходят за ограниченные пространственные и временные рамки данной ситуации. Перспектива первого лица – это перспектива личностного, неповторимого никем, отношения, которая дает единственную привилегию – привилегию быть свободным, рисковать и отвечать за содеянное и быть самим собой в любой ситуации. Эта перспектива, сошлемся на мнение М.Хайдеггера, «приоткрывается еще и как обеспечение возможности обзавывания и обязательности вообще. *Только свобода способна дать присутствию меру мирящего мира*. Мир никогда не *есть*, он *мирит*». Хайдеггер, соединяя в человеке, ссылаясь на Канта, различает: «знать мир» (свет) и «быть в мире» (в свете). Эти два выражения, хотя оба они ориентированы на экзистенцию человека, означают все-таки разное, «поскольку один (знающий свет) лишь *понимает* игру, которую наблюдал, второй же *участвовал в игре*»²¹.

Интервальный подход к мерности различения. Как уже было сказано выше, главная дилемма современного научного познания – это кризис, переживание становления новых методов и форм познания сложности, ориентированных не только на преданные *всеобщие* универсальные истины, но и учитывающие *общезначимые* ценности, возникающие при решении конкретных жизненно-актуальных проблем. Кризис (одно из его толкований – «находиться между») заново «переписывает хрестоматию» катего-

¹⁹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? С. 33.

²⁰ Там же.

²¹ Хайдеггер М. О существе основания / Пер. с нем. В.В.Бибикина // Философия в поисках онтологии: сб. тр. Самар. Гуманитарн. акад. Вып. 5. Самара, 1998. С. 108.

риального ряда классических оппозиций философии: апостериорности и априорности, конкретности и универсальности, практического и теоретического, истинного и полезного и т. д. в контексте трансдисциплинарного подхода.

Фокусировка внимания на мерности различения в опыте трансдисциплинарности ведет к референтному расщеплению предмета исследования («неоднозначность в референции» – Р.Якобсон). Способность иметь различные точки зрения в одно и то же время на один «предмет» можно назвать способностью к «стереоскопическому видению» (У.Биделл Стэффорд). Это близко к способности видеть в едином многое, а в различном – подобное, в простом – взрывной потенциал сложности, а в сложностности – новое понимание *сложностной* простоты. Подобие, в отличие от тождества, обеспечивает возможность мыслить разнородное. Как пишет П.Рикёр, осознание конфликта между прежней несогласованностью и новым согласованием является прозрением подобного. Видеть *подобное* – значит, видеть одинаковое, несмотря на различие²². В свою очередь, Н.Луман тоже отмечает, что «различение требует внимания. Само различение должно обуславливать операцию вот эту и никакую иную. ...Единство (операции) и различение (схемы наблюдения) должны актуализироваться “единым махом”»²³, в этой конкретной ситуации «здесь и сейчас». Возникает особое пространство, со своей топологией философствования, вымеривания основания различения и повторения пройденного в уникальных человеческих ситуациях. Оно зависит от умения в описании представить его в целом, включая «неровности» и «разломы сопротивления», «скачки через границы устоявшегося, общеприятного». Необходимо также прописать свою неустойчивую точку сопряжения с этими обстоятельствами, точку сохранения равновесия повторения (простоты сложности) в потоке становления различных форм ее выражения (сложности простоты). Присвоение необжитого, его динамика зависит от способности связать личностные притязания к желаемой устойчивости с возможностями возникающих перемен, выбрать свою перспективу различения и сопряжения в единстве множественности единств, представления о мире и о самом себе.

²² Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 422.

²³ Луман Н. Дифференция. М., 2006. С. 17.

Подобие между антитетически выделенными позициями может выступать основанием для осуществления интервального подхода к ситуации порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных оппозиций. Все это приводит к тому, по словам М.М.Новосёлова, что «мы не можем говорить об “интервальной реальности” как упорядоченной структуре в математическом смысле термина “порядок”. Если же мы хотим сохранить термин “структура”, то с большой вероятностью следует ожидать структуру с “испорченным порядком”. Пользоваться для ее характеристики такими понятиями, как “иерархичность”, “симметрия” и пр. следует с большой осторожностью. Интервальная структура, вообще говоря, не моделируется кристаллической решеткой, хотя в локальной области порядок, конечно, возможен. Таким образом, отпавляясь от чисто логической (а не физической) точки зрения, интервальный подход *mutatis mutandis* оказывается в общем круге идей, провозглашенных синергетикой»²⁴. И прежде всего в ее ориентации на отслеживание процессов становления порядка в ситуациях неопределенности.

Если оценивать интервальный подход (ИП) как устанавливающую-фиксирующую процедуру, как исчисление всякой теории действительного²⁵, как некоторую «шкалу мер», то, в первую очередь, надо иметь в виду ее неустойчивый самонастраивающийся характер, ориентированный на конкретные обстоятельства неопределенной ситуации, но в которой надо принимать решение. Вопрос о «мере предметной истинности и границах применимости понятий и теорий», решается авторами концепции ИП (М.М.Новоселовым, Ф.В.Лазаревым) близко к парадигме классического познания соответствия истины и предмета (простота сложности – интервальная ситуация первого типа). И все-таки, как представляется, указанное соответствие не является однозначным, поскольку сами границы являются лишь условно закрытыми. Если быть точнее, то они в принципе открыты в трансдисциплинарной ситуации.

²⁴ Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). М., 2010. С. 15.

²⁵ «Конечно, не надо понимать такое «исчисление» в узком смысле цифровых операций. Исчислять – в широком сущностном смысле – значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т.е. ожидать от него определенного результата» (*Хайдеггер М.* Наука и осмысление // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 252).

«Порядок», который устанавливает ИП в неопределенной ситуации, зависит не только от нее, но и от ее внешнего окружения (простота сложности простоты – интервальная ситуация второго типа). Именно в этих случаях Хайдеггер говорил об исчислении, которое «опредмечивает действительное». «Все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результата из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь»²⁶. Степень определенности стабильного бытия, равного самому себе по форме и по сути, при возможном его изменении превосходит степень определенности становления бытия как нарождающейся его формы с соответствующим ему новым смысловым содержанием. Можно сказать, что полнота и целостность представления о бытии состоит в доопределении друг другом условно выделенных пределов интервала – бытия в становлении и становления бытия. Кардинальность выделенного интервала состоит в том, что бытие в становлении можно познавать из внешней позиции наблюдающего, объективно, но становление бытия можно наблюдать только изнутри самой ситуации становления, настраивая соответствующий инструментарий познания по всему спектру возможных отношений познающего с окружающим миром и с самим собой. Радикализация ИП в онтологической версии дает возможность рассматривать «в единстве, но неслиянно» две позиции познающего: объективистскую классического научного познания и субъективную объективность не-постнеклассического научного знания²⁷.

Динамический и самонастраивающийся интервал мерности различения дает возможность описать основание *единства множественности единств* трансдисциплинарного опыта, давая тем самым форму (меру) для его выражения и через уподобление – категориальное описание трансдисциплинарной антитетики простое – сложное²⁸. Мерность снимает/сохраняет различие

²⁶ Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). С. 15.

²⁷ См. работы В.С.Стёпина, В.А.Лекторского, В.И.Моисеева, Л.П.Киященко, П.Д.Тищенко и др.

²⁸ Антитеза единого и многого не через тождество, а через уподобление описывает антитетику простого и сложного. Другими описаниями антитетики простого и сложного через уподобление могут выступить антитетические отношения части и целого, элемента и множества и т. д.

ние в примирении противоположностей, в разрешении парадоксальности трансдисциплинарного опыта. Данная формулировка (единство множественности единств) является кардинальной для понимания сути философии трансдисциплинарности. Основанием нового понимания единства оказывается не объективность и всеобщность полубожественного субъекта классической науки. Эта позиция сохраняется, но она ставится под вопрос контекстуальностью своих оснований. Учет указанной зависимости способствует ее трансформации. Личностно мотивированный ответственный поступок субъекта, включенного в проведение трансдисциплинарного опыта, становится его необходимым, дополнительным аккомпанементом. Он дает возможность участнику субъекту мыслить в ситуациях перманентного кризиса и неустойчивости, с которыми современный человек сталкивается в своем опыте, сочетая «бытие в становлении и становление в бытии» (Ж.Делёз). Тем самым выстраивая ответственные отношения с миром и самим собой, ориентированные на подвижные образы устойчивости. Ситуация самонастраивающейся мерности различения вновь делает актуальной проблему индивидуально-личностного решения, возникающую в области, имеющей точечный, поверхностный или глубинный характер пересечения универсального (всеобщего) и общезначимого, дающего эффект единичного (особенного). Повторение ситуации в таких случаях предопределяет неповторимость, отклонение, что обуславливает уникальность ее разрешения, поскольку повторение замечается только в неповторимом повороте, казалось бы, знакомых обстоятельствах. Динамика хронотопа подобных событий имеет свой, можно сказать, повторимо-неповторимый язык, возникающий как экспромт, близкий к описанию через косвенные контекстуальные указания-приметы, а не к утвердительно-безапелляционности однозначных утверждений, моделирующих нормативный характер желательных (оптимальных) состояний объекта. Возникает интервал нормативного предписания и дескриптивного описания ожидаемого развития событий, перед которым в свой черед встает задача их сопряжения. Задача может быть решена через ситуационное введение (эммерджентное появление) порядка в неустойчивости и становлении, основой которого случается аттестация причастного субъекта и доверие к нему других акто-

ров, возникшее контингентное согласие. Тем самым исполняется перманентная нужда в примеривании безмерного, и в том же акте и в то же время ставятся под вопрос ранее введенные мерности различного, а возникающие ответы помечают пульсацию меры порядка в становлении и становления в порядке.